

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

**МАТЕРИАЛЫ
XL
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Выпуск 15

**ГРАММАТИКА
(РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ)**

**4–8 апреля 2011 года
Санкт-Петербург**

Филологический факультет СПбГУ
Санкт-Петербург
2011

ББК 81.2-2

Ответственный редактор
д-р филол. наук, проф. *А. В. Зеленищikov*

М34 Материалы XL Международной филологической конференции. Вып. 15: Грамматика (Романо-германский цикл) / Отв. ред. *А. В. Зеленищikov*. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 140 с.

ISBN 978-5-8465-1141-5

ББК 81.2-2

ISBN 978-5-8465-1141-5

© Коллектив авторов, 2011
© Филологический факультет СПбГУ, 2011
© С. В. Лебединский (обложка), 2011

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ М. В. ЛОМОНОСОВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА XVIII ВЕКА

Для того чтобы определить место грамматическому наследию М. В. Ломоносова в европейском научном дискурсе XVIII века, необходимо дать развернутую характеристику научной мысли в столетии, называемом в истории эпохой Просвещения.

При этом, говоря о грамматических идеях М. В. Ломоносова, я имею в виду грамматику в том понимании, как это было принято в XVIII веке, и даже ранее, т. е. в ее связи с риторикой как составных частей «семи свободных искусств», к которым причислялись грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка (см., например: Исидор Севильский, 2006: 7).

Логика построения семи свободных искусств, как известно, состояла в следующем: «Прежде всего, надо научиться читать, писать и понимать язык, то есть обучиться грамматике, а также надо, как минимум, уметь говорить складно, а в идеале — произносить убедительные речи, рассчитанные на широкую публику. Это называлось риторикой... Диалектикой называлось то, что мы сегодня зовем наукой логики, то есть способность выстроить речь и мысль в строгом доказательном порядке. Тем самым совершался переход от обыденного к научному знанию, которое закреплялось в квадривиуме, который иначе называли «четырьмя математическими дисциплинами» (Харитонов, 2006: 178). Иными словами, первоначально грамматика означала искусство чтения и письма, впоследствии — знание языка и литературы.

Таким образом, при обращении к грамматическим идеям М. В. Ломоносова, приходится затрагивать вопросы как общего, так и частного порядка, то есть говорить об отношении русского ученого к языку как феномену в целом, о роли русского языка в общественной жизни России XVIII века, о формировании научного стиля русской речи, и, конечно, о достижениях Ломоносова в изучении грамматического строя языка. Влияние европейских научных тенденций на научное творчество Ломоносова целесообразно проследить на примере творчества некоторых видных деятелей эпохи раннего немецкого Просвещения. Такой выбор, во многом, объясняется наличием предпосылок для радикального изменения научной и общественной жизни того времени.

М.М. Бахтин, говоря о пространстве и времени в произведениях Гёте, пишет о необходимости исторического подхода к эпохе Просвещения: «При таком подходе XVIII век раскрывается как эпоха могучего пробуждения чувства времени, прежде всего чувства времени в природе и в человеческой

жизни. До последней трети века преобладают циклические времена, но и они при всей их ограниченности взрывают плугом времени неподвижный мир предшествующих эпох. И в этой взрыленной циклическими временами почве начинают раскрываться и приметы исторического времени. Противоречия современности, утрачивая свой абсолютный, богом данный, вечный характер, раскрывают в современности историческую разновременность — пережитки прошлого и зачатки, тенденции будущего» (Бахтин, 1979: 217).

Именно такая картина более всего подходит для описания раннего немецкого Просвещения: позиции латыни как языка науки и образования, еще недавно казавшиеся незыблемыми, начинают подвергаться напору со стороны немецкого языка. Похожая картина наблюдается и в России, где русскому языку приходится завоевывать свои позиции в науке и образовании в борьбе не только с латынью, но и — парадокс! — с немецким языком, определявшим формирование и развитие российского научного дискурса XVIII века.

Из великолепного ряда представителей раннего немецкого Просвещения выберем трех ученых, оказавших, на мой взгляд, наибольшее воздействие на развитие немецкого языка XVII в. и, соответственно, на развитие научной традиции раннего немецкого Просвещения: Вильгельм Лейбниц, Христиан Вольф, Иоганн Готшед. Ответ на вопрос о том, почему в качестве ученых, оказавших влияние на научное творчество М. В. Ломоносова, я называю именно этих немецких мыслителей, лежит на поверхности.

Общеизвестно, что за время обучения в Германии (1736–1741) М. В. Ломоносов овладел немецким языком в такой степени, что в дальнейшем свободно пользовался им в деловой и личной переписке, в общении с коллегами по Академии наук и с членами семьи. Научным наставником М. В. Ломоносова во время учебы в Марбургском университете (с ноября 1736 по июль 1739 гг.) был Христиан Вольф — один из выдающихся немецких ученых-энциклопедистов того времени. Именно Христиан Вольф и другие немецкие авторы в наибольшей мере способствовали формированию научного мышления М. В. Ломоносова. Со своей стороны сам Вольф открыто признавался в следовании научному подходу Лейбница. Точно так же Готшеда современники называли ярым вольфианцем (подробнее см.: Auerbach, 2003: 78–85).

Краткие сведения о каждом из перечисленных немецких ученых.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — один из самых значительных ученых Европы, философ, математик, юрист, дипломат, «последний универсальный ученый Германии», как называют его в библиографических справочниках.

Важнейшие научные достижения Лейбница: независимо от Ньютона, он создал математический анализ — дифференциальное и интегральное исчисление; обосновал комбинаторику как науку; только он во всей истории математики одинаково свободно работал как с непрерывным, так и с дискретным. Лейбниц задолго до Зигмунда Фрейда привел доказательства существования подсознания человека. Ему принадлежат многочисленные

чисто прикладные проекты (от создания арифмометра до проекта подводной лодки).

Дополнительно следует заметить, что в 2007 году все эпистолярное творчество Лейбница, содержащее около 15 000 писем, направленных к примерно 1100 адресатам, специальным постановлением ООН было внесено в список всемирного наследия и находится под защитой ЮНЕСКО.

Лейбниц сыграл большую роль и в истории России. В 1697 году, во время путешествия Петра I по Европе, русский царь познакомился с Лейбницем. Это была случайная встреча в ганноверском замке Коппенбрюк. Во время торжества в 1711 году, посвященного свадьбе наследника престола Алексея Петровича с представительницей правящего ганноверского дома, принцессой Брауншвейгской Софией Христиной, состоялась их вторая встреча. На этот раз встреча имела заметное влияние на императора. В следующем году Лейбниц имел более продолжительные встречи с Петром, и, по его просьбе, сопровождал его в Теплиц и Дрезден. Это свидание было весьма важным и привело в дальнейшем к одобрению Петром создания Академии наук в Петеербурге, что послужило началом развития научных исследований в России по западноевропейскому образцу. От Петра Лейбниц получил титул тайного советника юстиции, а также пенсию в 2000 гульденов. Лейбниц предложил проект научных исследований в России, связанных с ее уникальным географическим положением, таких, как изучение магнитного поля Земли, отыскание пути из Арктики в Тихий океан. Также Лейбниц предложил проект движения за объединение церквей, которое должно было быть создано под эгидой русского императора (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Лейбниц>).

В области немецкого языка известны работы Лейбница: *Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben* (1683, gedruckt 1846); *Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der deutsche Sprache* (um 1697, gedruckt 1717).

Христиана Вольфа (1679–1754) можно смело назвать одной из наиболее влиятельных фигур в немецкой науке XVIII в. Современники видели в нем идейного продолжателя Вильгельма Лейбница. Сфера научных интересов Христиана Вольфа была чрезвычайно обширной. Стремление подчеркнуть роль разума, логических законов и форм мышления прослеживается в самом названии многих произведений Христиана Вольфа, которые начинались словами «Разумные мысли» (*Vernünfftige Gedanken*) Любопытно, что в названиях некоторых сочинений М.В. Ломоносова также прослеживается стремление ориентироваться на «разумный» подход к описанию явлений, например, «Мысли о происхождении ледяных гор в северных морях», «Рассуждение о большей точности морского пути», «Рассуждение о твердости и жидкости тел», «Размышления о причинах теплоты и стужи» и т. д. (подробнее см.: Манерова, Филиппов, 2010: 65–66).

Христиан Вольф, почетный член Петербургской Академии Наук (1725), стал главным научным наставником Ломоносова во время его пребывания в Германии (1736–1740 гг.). В университете г. Марбурга Христиан Вольф в

зимнем семестре 1736–1737 гг. читал публичные лекции по оптике, частным образом читал лекции по политике, в то же самое время он продолжил чтение своего курса по математике. Кроме того, Вольф учил студентов также алгебре и метафизике. Под руководством Вольфа Ломоносов написал свою диссертацию по теоретической физике. Глубокое уважение М.В. Ломоносова к своему научному наставнику проявилось, например, в том, что Ломоносов при жизни Вольфа не вступал в научную полемику с немецким ученым, хотя их взгляды на многие проблемы весьма различались.

Христиан Вольф признается родоначальником немецкой терминологии. Вплоть до XVIII века в немецких научных текстах (и в работах самого Х. Вольфа) доминируют латинские, греческие и французские термины. Однако Х. Вольф считает, что «...язык наш больше подходит наукам, чем латынь»⁴. В 1706 году он составляет первую учебную программу на немецком языке по гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам для университета г. Галле. В ней Х. Вольф обосновывает свое стремление к созданию немецкой терминологии тем, что в ведущих европейских государствах — Франции, Англии, Италии — язык науки, основанный на родном языке, способствует не только распространению новых идей в научной среде, но и популяризации знаний среди людей без университетского образования (Манёрова, Филиппов 2010: 66–67).

Крупный немецкий писатель и теоретик литературы эпохи Просвещения **Иоганн Христоф Готшед** (1700–1766) был признанным «вольфианцем». После защиты диссертации по философии в 1724 г. читал лекции об изящных искусствах в Лейпцигском университете. В 1730 он был назначен экстраординарным профессором поэзии на философском факультете, а в 1734 — профессором логики и метафизики на том же факультете. Своим преподаванием и литературно-журналистской деятельностью Готшед содействовал развитию немецкой литературы, театра и риторики. Наиболее значительным трудом в области грамматики считается его книга «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», которая вышла в свет в 1748 году и служила образцом учебника по грамматике многие десятилетия (Götttert 2010: 215). К другим значительным трудам Готшедова в области грамматики и риторики относятся: *Ausführliche Redekunst* (1728); *Versuch einer kritischen Dichtkunst für die Deutschen* (1730); Готтшедова немецкая грамматика, вновь исправленная (2-е изд., СПб., 1769; 3-е изд., СПб., 1791).

В качестве материала для обсуждения тенденций развития научной мысли в 18 в. рассмотрим некоторые фрагменты из работ вышеназванных авторов.

В работе *Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache* (um 1697, gedruckt 1717) Лейбниц признает язык «зеркалом разума» (*ein Spiegel des Verstandes*) (цит. по: Pietsch 1908: 327; перевод здесь и далее мой. — К. Ф.). В §57, говоря о главных характерных чертах языка, он пишет: «Богатство — это первое и самое необходимое свойство языка, оно состоит в том, чтобы не было недостатка, а наоборот было изобилие удобных и выразительных слов, служащих для любого слу-

чая, с той целью, чтобы все можно было представить точно и реально, и одновременно как бы нарисовать живыми красками» (Reichthum ist das erste und nöthigste bey einer Sprache und bestehet darin, dass kein Mangel, sondern vielmehr ein Überfluss erscheine an bequemen und nachdrücklichen Worten, so zu allen Vorfälligkeiten dienlich, damit man alles kräftig und eigentlich vorstellen und gleichsam mit lebenden Farben abmahlen könne) (цит. по: Pietsch 1908: 343).

Я хочу обратить Ваше внимание на некоторые слова в приведенной выше цитате, они характеризуют необходимые свойства языка: Reichthum (богатство), Überfluss (изобилие), nachdrücklich (выразительный).

Теперь обратимся к работе Готшеда Grundlegung einer deutschen Sprachkunst. Вторая глава этой грамматики называется «Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt». В этом разделе, кроме всего прочего, перечисляются черты, создающие совершенный облик языка. В § 3 говорится: «Насколько богатство и изобилие составляют первую сторону совершенства языка, настолько очевидно, что вторую особенность составляет понятность языка. Потому что язык — это средство, с помощью которого люди выражают свои мысли, и притом с намерением, что они будут понятны другим людям» (Wie nun der Reichthum und Überfluß die erste Vollkommenheit einer Sprache abgeben: so ist es auch gewiß, daß die Deutlichkeit derselben die zweyte ist. Denn die Sprache ist das Mittel, wodurch man seine Gedanken, und zwar in der Absicht ausdrücket, daß sie von andern verstanden werden sollen) (Gottsched, 1752: 50). В четвертом параграфе Готшед добавляет еще одно свойство: «Третье свойство языков — это краткость, или выразительность, то есть способность несколькими словами выразить множество мыслей (Die dritte gute Eigenschaft der Sprachen ist die Kürze, oder der Nachdruck; vermöge dessen man, mit wenigen Worten, viele Gedanken entdecken kann) (Ibid., 51).

И снова я хочу обратить Ваше внимание на некоторые характеристики языка: богатство и изобилие (Reichthum und Überfluß, как у Лейбница), понятность (Deutlichkeit), краткость (Kürze), выразительность (Nachdruck, ср. nachdrücklich у Лейбница).

Наконец, переходим к словесному творчеству Ломоносова. В Предисловии к «Российской грамматике» (1757) М. В. Ломоносов, подобно немецким просветителям, демонстрирует такое же уважительное отношение к родному (русскому) языку: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. <...> Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи» (Ломоносов, ПСС, т. 7: 391).

Эти слова прекрасно соотносятся с приведенными выше словами Лейбница и Готшеда о немецком языке. Но чтобы усилить это впечатление, обратимся к немецкому переводу «Российской грамматики», выполненному академическим архивариусом Иоганном Лоренцом Стаффенгагеном под «смотрением» самого М. В. Ломоносова. «*Rußische Grammatick*» вышла в свет в 1764 году. После этого немецкий вариант Ломоносовской грамматики, насколько известно, более не издавался (подробнее см.: Филиппов, 2009: 259–260). Посмотрим, как звучит маленький кусочек приведенного выше фрагмента Предисловия на немецком языке: «...ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». Ср.: «Denn in dieser würde er das Erhabene des Spanischen, die Lebhaftigkeit des Französischen, die Zärtlichkeit des Italienischen, die Kraft des Deutschen, und überdem auch die Reichthum und die so nachdrückliche Kürze des Griechischen und Lateinischen angetroffen haben» (*Rußische Grammatick*, 1764: Vorrede). И здесь снова мы встречаем слова *Reichthum*, *Kürze* и *nachdrücklich*, как у Лейбница и Готшеда.

В настоящем докладе я коснулся только одного вопроса, характеризующего направление усилий М. В. Ломоносова в контексте европейского научного дискурса XVIII века — стремление выдвинуть родной язык на передовые позиции в науке и общественной жизни России. За рамками рассмотрения остались многие вопросы общего и частного порядка. Так, создавая свою классификацию временных глагола, Ломоносов ориентировался на европейскую лингвистическую традицию, на известные ему грамматики немецкого, греческого, латинского, церковнославянского языков, а также на устную традицию русского и немецкого языков. В результате им была создана оригинальная концепция, в которой семантические нюансы аспектного значения оказались связанными с грамматической формой, что явилось существенным шагом вперед по сравнению с классификациями глагольных форм в грамматиках предшествующего периода (подробнее см.: Карева, Филиппов, 2010). Это же можно сказать о создании Ломоносовым терминологической системы, разработке научного стиля русской речи и много другое. Все эти проблемы ждут своего освещения.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.
2. *Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала. В XX книгах: Семь свободных искусств / перев. с лат., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитонova. СПб.: Евразия, 2006.
3. *Карева Н. В., Филиппов К. А.* К вопросу о классификации временных форм глагола в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова и ее переводе на немецкий язык // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, 21–23 июня 2010 г.: в 2 ч. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Ч. I. СПб.: Наука, 2010.

4. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
5. Манерова К. В., Филиппов К. А. Лексико-грамматические особенности научного стиля Х. Вольфа и М. В. Ломоносова // Материалы XXXIX Междунар. филологической конференции. Вып. 14: Грамматика (романо-германский цикл) / Отв. ред. А. В. Зеленщиков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 65–71.
6. Филиппов К. А. «Rußische Grammatick» М.В. Ломоносова в историко-культурном и лингвистическом аспектах // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони (9–13 ноября 2009 г.). СПб., 2009. С. 259–260.
7. Харитонов Л. А. «Исидор Севильский». Историко-философская драма // Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах: Семь свободных искусств / Перев. с лат., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитонова. СПб.: Евразия, 2006. С. 160–227.
8. Auerbach I. Der hessische Löwe und der russische Bär. Die Beziehungen zwischen Hessen-Kassel und Russland 16–20. Jahrhundert. Marburg: Jonas Verlag, 2003.
9. Göttert K.-H. Deutsch. Biografie einer Sprache: 4. Aufl. Berlin: Ullstein, 2010.
10. Gottsched J. Chr. Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasset, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.
11. Pietsch P. Leibniz und die deutsche Sprache // Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins. 4. Reihe. 1908. H. 30. S. 313–356.
12. Rußische Grammatick, verfaßet von Herrn Michael Lomonoſow; aus dem Rußischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, 1764.

А. К. Филиппова

Санкт-Петербургский государственный университет

АВТОРСКИЕ РЕМАРКИ КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ (на материале немецкоязычных радиопьес)

Радиопьеса как специфический вид драматического произведения специально написана для постановки в студии и рассчитана прежде всего на слуховое восприятие. (Радиожурналистика 2000: 470) Ремарки занимают особое место в структуре драматических произведений. Они являются не частью речи персонажей, а частью авторской речи, и принадлежат не внутренней ситуации пьесы (т. е. той, которая разворачивается в художественном мире), а внешней коммуникативной ситуации, к которой относятся автор и постановщики радиопьесы (режиссер и актеры). Таким образом, ремарки выполняют функцию комментария для актеров и постановщиков. Форма ремарок варьируется у каждого автора. Они могут быть представлены как

<i>О. В. Каменева.</i> К вопросу об интерпретации гот. <i>Sa ip wesi praufetus</i> (LC. 7:39).....	69
<i>А. Кожокина.</i> Типы причин (на материале английского языка).....	76
<i>В. Н. Кондрашова (Козьмина).</i> Прагматические особенности использования речевой маски в английском диалоге	81
<i>Н. Б. Мальцева.</i> Compliment, похвала и лесть как речевые акты	86
<i>В. А. Мецзякова.</i> Особенности атрибутивных характеристик номинаций писателя (на материале немецкой прессы)	92
<i>С. Т. Нефедов.</i> Субъектный инфинитив: на границе мира внешнего и мира внутреннего.....	98
<i>Д. А. Прокахина.</i> Синтаксические особенности междометных фраз современного испанского языка	102
<i>Н. С. Соколова.</i> Юмористический дискурс. Стратегия обличения, смех как «посредник» критики (на материале английского языка) ...	106
<i>К. А. Филиппов.</i> Грамматические идеи М. В. Ломоносова в контексте европейского научного дискурса XVIII века.....	109
<i>А. К. Филиппова.</i> Авторские ремарки как способ номинации действий в художественном диалоге (на материале немецкоязычных радиопьес).....	115
<i>Н. Б. Филиппова.</i> К вопросу о шахматной метафоре в языкознании (на примере работ Фердинанда де Соссюра и других ученых).....	124
<i>Л. И. Шрамко.</i> Особенности реализации неконтролируемости у глаголов «неуспеха» действия, порожденного физическим сбоем производимого действия	129
<i>С. В. Шустова.</i> Функциональный потенциал каузативных глаголов.....	133